

Мендыбаев С.К.¹, Мажиденова Р.М.², Кантарбаева Ж.У.³

¹ст. преп., к.филос.н., Казахский научно-исследовательский технический университет им К. Сатпаева, Казахстан, г. Алматы, e-mail: mendybaev_sr@mail.ru

²доцент, к.филос.н., АФ Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург, e-mail: mazhidenova@mail.ru

³к.филос.н., и.о. кафедры религиоведения и культурологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, kantarbaevazh@gmail.com

АПОЛОГИЯ И ЭТИКА ОПРАВДАНИЯ

Апология выставляет оправдание как ложную и порочную позицию индивида, разрушающую общество. В отличие от нее, античная apologia поддерживала совместное бытие без морально-психологического давления на субъекта оправдания. Обращение apologia в апологию в западной культурной традиции стало следствием исторического процесса рационализации и индивидуализации этики оправдания, что привело к неразрешимой проблеме признания Другого как онтологического гаранта социального и личностного бытия. В культуре кочевников оправдание не угрожало сообществу, а служило моральным условием совместной жизни, закрепленным в нормах кочевого права казахов «Кешірімді болу» и «Сөзге тоқтау» – умение прощать без долгих слов оправдания.

Целью статьи было выделение различий понятий apologia и apologia в качестве культурного маркера западного и восточного (казахи-номады) типов этики оправдания. Теоретической и методологической основой работы стали зарубежные и отечественные исследования оснований социальности, этики, вопросов специфики национальной культуры. Авторы использовали исторический, аналитические методы, а также принципы феноменологии и герменевтики. Материалы исследования могут быть применены в научно-педагогической практике высшей школы, при разработке образовательных технологий, направленных на обсуждение этических и философских проблем современности, национальной культуры.

Ключевые слова: apologia, оправдание, этика, логос, кочевое право.

Mendybaev S.K.¹, Mazhidenova R.M.², Kantarbaeva Zh.U.³

¹Kazakh National Technical University after K.I. Satpayev, art. prep, k.filos.n., Kazakhstan, Almaty, e-mail: mendybaev_sr@mail.ru

²AF St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Associate Professor, Russia, Sankt-Peterburg, e-mail: mazhidenova@mail.ru

³al-Farabi Kazakh National University, acting Department of Religious Studies and Culturology, Kazakhstan, Almaty, e-mail: kantarbaevazh@gmail.com

Apology and ethics of excuse

Apology exposes excuse as a false and vicious position of the individual, destroying society. Unlike her, the ancient apologia maintained a joint being without moral and psychological pressure on the subject of excuse. Apologia's appeal to apology in the Western cultural tradition was the result of the historical process of rationalization and individualization of the ethics of justification, which led to the unsolvable problem of recognizing the Other as an ontological guarantor of social and personal being. In the culture of the nomads, the excuse did not threaten the community, but served as a moral condition for living together, enshrined in the norms of the nomadic right of the Kazakhs «Keshirimdi Bolu» and «Cisre tomatau» – the ability to forgive without long words of excuse.

The purpose of the article was to distinguish between the concepts apologia and apologia as a cultural marker of the western and eastern (Kazakh-nomadic) types of ethics of excuse. The theoretical and methodological basis of the work was foreign and domestic studies of the foundations of sociality, ethics, specific issues of national culture. The authors used historical, analytical methods, as well as the

principles of phenomenology and hermeneutics. Research materials can be applied in the scientific and pedagogical practice of higher education, in the development of educational technologies aimed at discussing the ethical and philosophical problems of modernity and national culture.

Key words: apology, excuse, ethics, logos, nomadic law.

Мендыбаев С.К.¹, Мажиденова Р.М.², Кантарбаева Ж.У.³

¹филос.ғ.к., Қ.И. Сәтбаев атындағы Қазақ ұлттық техникалық зерттеу университетінің аға оқытушысы, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: mendybaev_sr@mail.ru

²филос.ғ.к., Санкт-Петербург Кәсіподақ гуманитарлық университетінің ассоциативті профессоры, Ресей, Санкт-Петербург қ., e-mail: mazhidenova@mail.ru

³филос.ғ.к., Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доцент м.а., Қазақстан, Алматы қ., e-mail: kantarbaevazh@gmail.com

Апология және ақталу этикасы

Апология ақталуды қоғамды қирататын индивидтің жалған және жағымсыз позициясы ретінде сипаттайды. Мысалы антикалық түсініктегі аrologia ақталудың субъектіге деген моральды-психологиялық басушылықсыз бірлестіктегі болмысты сақтап отырған. Батыстық мәдени дәстүрдегі аrologia-ның апологияға айналуы ақталу этикасының рационализациясы және индивидуализациясы сынды тарихи процесстерінің салдарынан туындады. Өз кезегінде ол индивидті, Басқаны (Другого) әлеуметтік және тұлғалық болмыстың онтологиялық кепілдемесі ретінде мойындау мәселесіне тіреп қойды. Көшпенділер мәдениетінде ақталу қоғамдастыққа еш қауіп төндірмеді, керісінше қазақтардың көшпенді құқық нормаларында бекітілген бірлесе өмір сүрудің моральдық шарты ретінде қызмет етті деуге болады. Мысалы, «Кешірімді болу» немесе «Сөзге тоқтау» түсініктері ақталу сөздерін қажет етпейтін өмірлік ұстанымдарды айтуға болады.

Мақаланың басты мақсаты апология және аrologia түсініктерінің ерекшеліктерін ақталу этикасының батыстық және шығыстық (қазақи-көшпенді) типтерінің мәдени маркері ретінде айқындау болып табылады. Жұмыстың теоретикалық және әдіснамалық негізі ретінде ұлттық мәдениет ерекшеліктерін, әлеуметтілік, этика мәселелерін қамтитын шетелдік және отандық зерттеулер табылды. Мақаланы зерттеу барысында тарихилық, анализ әдістері, сонымен қатар феноменология және герменевтика принциптері пайдаланылды. Зерттеу материалдарын жоғары мектептің ғылыми-педагогикалық практикасында, ұлттық мәдениеттің, қазіргі заманның этикалық және философиялық мәселелерін талқылауға бағытталған білім беру технологияларын жасау барысында қолдануға болады.

Түйін сөздер: апология, ақталу, логос, этика, көшпенділік құқық.

Известный казахстанский художник Канат Ибрагимов так резюмирует свои критические замечания о национальной ментальности: «Основной проблемой казахской жизни является... общенациональное согласие на недостойную жизнь и стремление к ее оправданию. В умении все оправдывать и заключается казахская правда» [1]. В этом выводе интерес представляет негативная оценка оправдания, которая выражена в термине «апология». Но автор заметки справедливо избегает его, ведь апология дискредитирует оправдание как предвзятую и порочную защиту. Апология выступает как идеологическое клише, пригодное скорее для обвинений и разоблачений [2], чем для описания такой чувствительной сферы народной жизни, как национальная культура и ментальность. Но дело не только в политкорректности. Апология для национальной культуры – инородное явление, у казахов не сложился культурный паттерн осуждения оправдания и социальной изоляции того, кто оправдывает, типичный для индивидуализированного общества.

Апология – феномен общественного сознания и культуры, выражающий неприятие и осуждение оправдания. Негативное восприятие оправдания бывает справедливым, особенно тогда, когда за оправданием скрываются корыстные, частные или групповые интересы. Но, по сути, апология бросает тень на любое оправдание, ведь не зря говорят «оправдываться, значит, признавать вину». Общество противопоставляет апологии требовательность, принципиальность, активное гражданское неприятие любых нарушений социальных норм.

Апология разнообразна, но и типична. Любое неприемлемое оправдание уголовного преступления, псевдонаучных теорий, аморального поступка выглядит как вызов обществу. Своей оправдательной позицией апологет отрицает устоявшуюся практику общественной жизни, представленную, в данном случае, нормами права, науки, морали. Недоверие общества к оправданию имеет веские основания. Предвзятое оправдание подрывает основы социальной жизни.

ни, отвергает общественную культуру, мораль, традиции, коллективные представления, идеалы и ценности, принятые стандарты жизни, весь привычный мир «публичной истолкованности» (М. Хайдеггер) [3].

В апологии общество сталкивается с угрозой потери бытийных основ своего существования, ведь в пределе оправданию могут подлежать любые отступления от общественного стандарта. В апологии заложен потенциал социального разрушения, ведь если можно оправдать нечто недозволенное, то все становится оправданным. Тогда теряются границы социальности, культуры, морали, свободы, все становится возможным и допустимым. Отрицая онтологию «публичной истолкованности», апология ставит под сомнение социальную онтологию, открывая дорогу хаосу и произволу в общественной жизни.

Негативность оправдания выражена в аргументах апологии. Апология приводит доводы, которые ставят осуждаемое деяние вне действия норм и законов. Так, не станет апологией кражи оправдание ее обстоятельствами, которые учтены в уголовном праве, но не были, по каким-либо причинам, приняты во внимание судом, как, например, kleptomания преступника. Но оценка кражи как божьего возмездия за несправедливо нажитое богатство или представление преступника в образе благородного разбойника Робин Гуда, народного защитника правды и справедливости или ссылка на то, что «все воруют», которая перекладывает ответственность на все общество, уже станет религиозной или популистской апологией грабежа и насилия. Суд исходит из норм уголовного права, а апология выходит за рамки не только права, но и закона вообще, ее доводы носят трансцендентный характер, обращены к обстоятельствам, находящимся вне компетенции законов. Но подобная аргументация вынуждена. Ведь требования со стороны общества всегда обоснованы, за ними стоят выраженные в законах разум и воля общества, власти. В этой ситуации у оправдания остается один путь – вывести осуждаемое деяние за границы закона как такового.

В ситуации апологии не только апологет, но и общество ограничено в свободе действий. Оно не имеет не только юридических, но и моральных средств своей защиты, ведь оправдание опирается на превышающие все нормы общественной морали нравственные абсолюты, такие как правда, справедливость, милосердие, сострадание, нарушение которых побуждает апо-

логета к оправданию. Поэтому объектом осуждения общество делает не само оправдание, а его субъекта, стараясь максимально подорвать его позицию легитимного социального индивида и моральной личности. В апологии осуждение оправдания персонифицировано, оно носит характер не внешнего давления и принуждения, а самоосуждения, вызывает у оправдывающего чувство стыда, раскаяния и сожаления, сознание своей ущербности, неполноценности и аморальности.

Апология – разоблачающее и изобличающее его субъекта оправдание. В апологии оправдание выступает как намеренная ложь, обман, скрывающие за мнимо благими целями эгоизм и корыстный интерес. Апологетическое оправдание дискредитирует апологета, вызывая у него чувство вины перед сообществом, другими людьми, оно морально и психологически угнетает, выставляя его как безнравственную и ущербную личность. Апологет оказывается в разладе как с социальным окружением, так и с самим собой. Отстаивая правду и справедливость, он неизбежно вступает в конфликт с коллективной моралью и со своим социальным «я», теряет себя, условия своей идентичности, лишается онтологических и экзистенциальных опор. Иное отношение к оправданию выражала античная *apologia*.

Apologia и апология

Основопонятием апологии (*apologia* – «защита», «оправдание») выступает *logos*. *Logos* многозначен (разум, понятие, основание, учение и др.), но исходное его значение – слово, речь. Логос – форма рационального представления в речи вещей и ситуаций. Указательное слово (греч. *apo* – «от») как раз и подчеркивало, что *apologia* «давала видеть от того самого, о чем идет речь», говорила от имени самих вещей [4; 5; 6]. Античная апология – это сказывание существа о себе, своем существе, представление себя в речи. По своему смыслу это предложение было бытийным оправданием вещи. Ведь на практике развитие событий, явлений, поведение людей часто выходило за рамки привычных представлений, оценок и могли вызвать ошибочные суждения, ложные толкования, искажающие истину жизни и миропорядка. Поэтому и нужна была объективная оценка, защищающая от преходящего людского мнения, раскрывающая природу самих вещей.

Оправдание предполагает виновность. При этом в античности «вина» имела, прежде всего, бытийный, космологический смысл, указывая на

космос как на источник и основное условие всякого существования и соответствовала понятию вины, как основания и причины вещей. Это значение «вины» сохранилось в таких выражениях, как «гражданская» или «воинская» повинность [7], в которых необходимость исполнять обязательные требования вытекает из природы гражданина и воина. «Быть виновным», значит, отвечать способу своего бытия, существования. А оправдать что-либо в *arologia* означало раскрыть его «вину», истинное назначение, указав на круг отличительных качеств его существования.

Античная вина имела также юридическое и моральное значение, как нарушение правовых, нравственных запретов и сознание, переживание случаев их нарушения. Эти значения также являются производными от космологической вины: отпуская каждой вещи меру ее бытия, Логос выступал и как общественный закон и нравственная норма, которые надо было неукоснительно исполнять. Все сущее связывалось данной Логосу «нерушимой клятвой» (Гераклит), обязывающей строго придерживаться установленного миропорядка. Логос – это неумолимый закон бытия, принуждающий сущее, в том числе и человека, к подчинению своей воли, противление которой влечет неминуемый гнев богов. Тогда «вина» означает преступление, выход человека за пределы положенной ему меры бытия, отступление от Закона, уклонение от требований долга, влекущее неминуемую, но справедливую божественную кару. Логос устанавливал предел оправданию вещей, событий, не допуская произвольное истолкование их природы.

Arologia и апология сходны в своем стремлении ограничить оправдание для сохранения и поддержания социального мира и порядка. Но эта задача понималась и решалась ими по-разному. Античность в понимании оправдания исходила из идеи космической целостности бытия, рационального единства природного, социального и нравственного порядка вещей. Отсюда следовал смысл *arologia* – защита и оправдание человека как необходимой части космического бытия, ведь вследствие переменчивой природы вещей, знаний, моральных оценок, всегда требовалось согласование космического и человеческого бытия с целью поддержания гармонии мира и сознания. Это достигалось рациональным познанием, разумным поступком, переосмыслением космической «вины» человека в постоянно меняющейся реальности. Но при этом ясно осознавалась трудность исполнения этой задачи, возможность совершения ошибки в

силу невыразимости в слове и поступке полноты бытия. Ведь Логос и его воля выше всякого знания, разумения. Представить *arologia* вещи, значит, раскрыть ее истину. Но истина, алетейя есть «не-утаенное» бытие. Истина и вина вещей – доступны нам, они лежат перед нами, но «любят скрываться» (Гераклит) [8] за видимостью и привычным мнением. Из-за ограниченности любого знания следовала изначальная невинность и неподсудность любого сущего, в том числе и человека.

Как часть космоса человек всегда невиновен, у него уже есть алиби в бытии, поскольку его истинная природа, положенная Логосом, всегда остается невыразимой до конца. Но космологическая невинность, тем не менее, не отменяла необходимости исполнения общественной повинности и долга, а также и право общественного осуждения за их нарушения. Это была уже не космологическая, а социальная вина (воинская, гражданская, трудовая повинность), где человек выступал как социальный индивид, вовлеченный в общественную жизнь и подсудный ее законам. Тогда у него уже нет алиби в бытии [9] – чтобы иметь право занимать место в обществе, он обязан был согласовывать свое поведение с нормами общества, культуры, традиции.

Значение «вины» как общественной повинности и долга значимо для устойчивости человеческого бытия, на нем держится жизненный порядок и устройство мира людей. Античная *arologia*, определяя «вину» как круг общественных обязанностей индивидов, служила целям сохранения совместной жизни, ее морального и правового строя. Она оправдывала человека, но при этом легитимным признавалось не всякое оправдание, а только такое, что опиралось на доводы разума. Решающая роль, при этом отводилась говорящему в *arologia* – мудрецу, философу. Только мудрец мог быть свободен от субъективизма и произвола в оценке поведения людей, обладал для этого необходимым знанием и авторитетом. Только он мог найти меру согласования космологического и социального бытия, меру оправдания и осуждения, поскольку выступал незаинтересованным агентом Логоса, божественного космоса. Оправдательная речь в *arologia*, по своему определению, не могла быть произвольной или предвзятой, скрывающей злонамеренность, частный или групповой интерес, она не зависела от случайного мнения, от изменчивой общественной оценки. В ней устами мудреца говорил божественный Разум. Для Сократа в образе такого божества выступал авгур,

которого он считал истинным автором своих слов [10; 11; 12]. «Апология Сократа» – пример такой оправдательной речи, в которой опровергаются расхожие представления и разъясняются истинные мотивы поступка Сократа, восстанавливаются истина человека и мира, законный порядок человеческого бытия.

В античности одновременная невиновность и виновность человека, его и алиби, и не-алиби в бытии, признавалась естественным следствием расхождения бытия и сущего в непознаваемой до конца природе космоса. *Apologia* как форма рационально-философской речи как раз и служила практическим средством разрешения этого противоречия. Античность признавала вину людей в меру их реального существования, но и оправдывала их неизбежные ошибки и заблуждения ограниченностью человеческого знания и поступка. В *apologia*, как речении от самих вещей, получала оправдание самобытность человека, как и любого сущего, его несводимость к общепринятым меркам существования и понимания. Если апология дискредитирует оправдание как ложную и предвзятую защиту, то *apologia* стремилась реабилитировать человека, его самость.

Apologia еще сохраняла доверие к человеку, признавая его право на свое, пусть даже ошибочное мнение, поведение, образ жизни и мысли. Она была терпима к его поступкам, не спешила выносить скорые оценки. Апология же ставит человека под подозрение, не проявляет сочувствия и снисхождения к его поведению и взглядам, требуя публичного признания и осуждения своих и чужих ошибок. Если выражаемые в оправдании сострадание, милосердие, сочувствие *apologia* относил к проявлениям невыразимой до конца природы человека и космоса, то апология стала видеть в них субъективно-порочные намерения и желания, корыстные цели и интересы. Даже присущая оправданию как суждению, интенциональность, предметная направленность оценивается в апологии не как неизбежность речи, слова, а как скрываемое за ширмой конкретности желание обелить нечто порочное, придать ему достоинство. Для идеологизированного сознания именно субъективность, взятая в значении предвзятости, умышленного искажения истины, считается отличительным признаком апологии [13; 14].

Оправдание вызвано ощущением ложности публичного обвинения и осуждения, оно служит выражением нравственных чувств человека, его стремления к правде, к справедливости, к тако-

му устройству совместной жизни, в котором бы каждый мог найти свое место. Античная *apologia* еще умела согласовывать общественную справедливость и правду, находила убедительные рациональные средства для сохранения и поддержания условий совместной жизни. Разрушение космологического синкретизма мира и человека, историзация бытия и сознания привели к появлению законотворческого абстрактного разума и безличного субъекта, а также новых культурных средств контроля над оправданием. Одним из них и стала апология. Силой ограничения субъективности оправдания стал не нравственный разум, воплощенный в личности мудреца, говорящего в *apologia*, а абстрактные и безличные моральные нормы, обязывающие индивида строго следовать принятым моделям сознания, образа жизни, поведения.

Этика оправдания. Апология амбивалентна. Она осуждает оправдание посредством самого оправдания, но так, что это порочит акт оправдания и унижает достоинство того, кто оправдывает. Апология – это постыдное оправдание. Это похоже на воспитание культуры речи путем ненормативной лексики, вызывающей отвращение и желание вести себя иначе. Такой прием эффективен, когда плохо работают способы прямой демонстрации правильной речи. Подобное случилось и с *apologia*. Прежде она находила убедительные доводы в защиту несправедливо осуждаемого деяния, помогающие восстановить нарушенное общественное согласие и моральное единство, но со временем утратила эту способность.

В условиях разделенности рационального и нравственного порядка бытия перестала работать, опирающаяся на умозрение, этика оправдания. Теперь присущая оправданию избыточность, его постоянный выход за рамки общественной морали стала считаться не следствием невыразимой в словах и поступках людей природы Логоса, а результатом отсутствия у морали безусловной рациональной основы. Это привело к немислимому для античности тезису о существовании множества несовместимых типов разума, социумов и морали. Когда нет безусловного авторитета (Бог, Разум, Абсолют), то все становится возможным и допустимым. Апология в форме амбивалентного оправдания выступила культурной формой борьбы с избыточностью оправдания, когда вина и ответственность за возможные разрушительные последствия произвольного оправдания принимает не коллективный (социум), а персональный характер:

оправдание принимает значение саморазоблачения и самообвинения того, кто оправдывает.

Избыточность оправдания выражена в его двойственности. Оправдание одновременно и территориально и экстерриториально, оно и связано с локальным проступком и находится вне его границ. Это проявляется в отмеченных особенностях апологии: во-первых, в трансцендентности ее аргументов, в том, что, оправдывая конкретный проступок, апология приводит доводы, способные оправдать любое нарушение закона. Во-вторых, в ее асоциальности и аморальности, в том, что полемизируя с собственным сообществом и с его моралью, апология дискредитирует любую общность и мораль. В-третьих, в ее самоизобличительности, в том, что, вызывая у того, кто оправдывает чувство вины перед своим сообществом, апология выставляет социальным и моральным изгоем не только его, но и каждого, кто берется оправдывать нарушения принятых стандартов общественного сознания и поведения.

Одновременная территориальность и экстерриториальность оправдания выражена двумя противоположными моральными оценками преступления (преступать закон, правило, норму). Топологически эти оценки могут быть обозначены как позиции «здесь и везде» и «здесь и нигде». Первую выражает моральное суждение «я оправдываю это нарушение закона, потому, что справедливость закона не всегда бывает очевидна, и, значит, оправдание везде имеет место». Вторая – в суждении «я оправдываю это нарушение закона потому, что справедливых законов нет вообще». Первое суждение исходит из того, что есть высший закон и справедливость, и они совпадают в традиции, в мудреце или авторитетной власти. Для второго суждения справедливого и легитимного общества не может быть, и оправдать или осудить – вопрос свободного морального выбора индивида.

«Здесь и нигде» и «здесь и везде» представляют различную культурную топологию оправдания. «Здесь и нигде» – это конечный пункт эволюции западной культуры рационального оправдания. Переход от *apologia* к апологии стал следствием утраты веры в силу доводов разума, признания оправдания общественным злом и переносом ответственности за все его негативные последствия с общества на индивида. Ценностное возвышение индивида имело оборотной стороной персонализацию этики оправдания, рост цены морального выбора индивида. Апология конструирует тип социальности, за благо-

получие которого ответственность несут уже не сверхличностные субъекты власти (Бог, Государство), а каждый индивид.

В оправдании выражено требование признания права на существование того, что осуждает общественная мораль и культура. В ранней античности считалось, что этим правом обладает каждый человек, даже если речь идет о преступлении, выходе за общепринятые нормы жизни. У преступника уже есть алиби в бытии. Он уже оправдан фактом своего существования в разумно устроенном Логосом мире, и тогда оправдывать, значит, дать такое разъяснение случившегося, которое бы имело значение этического закона. С этой задачей успешно справлялась античная *apologia*, она умела найти весомые доводы в защиту несправедливого осуждения, которые позволяли сохранить общественный мир и согласие. Появление же апологии – знак наступления других времен, когда перестала действовать власть разума, как безусловного авторитета в споре коллективной морали и нравственности, общей справедливости и правды каждой личности.

Появление апологии связано с отсутствием в обществе нравственного авторитета и моральным равенством субъектов. В современном обществе с моралью без этики [15] нет законного места бесспорному нравственному суждению – оно теряется во множестве частных моральных позиций, претендующих на общезначимость. Форма амбивалентности апологии как раз и выражает такое исчезающее присутствие нравственного абсолюта в каждом приватном оправдании, когда апологет испытывает чувство стыда за свой поступок. Апология отсылает к Другой морали и к Другому субъекту оправдания, к недостижимой этике оправдания [16; 17; 18; 19]. Апология провоцирует одиночество, когда уже нет прочных и устойчивых социальных связей и моральных общностей, и их место занимают скоротечные союзы по интересам и кочующие солидарности, которые уже ничто не гарантируют и ни к чему не обязывают, а лишь предлагают себя каждому как возможные модели его существования с другими.

В позиции «здесь и везде» выражен иной тип оправдания, в котором закон и справедливость, мораль и нравственность совпадают в высшем разуме, Логосе, Боге, в образе жизни, в суждениях мудреца, в традиции, в испытанном временем назидательном опыте прошлых поколений. Такая культура терпима к нравам других народов, признает справедливость других зако-

нов, другой морали. Оправдание здесь не грозит разрушением социальных связей и изоляцией индивида, оно не отвергается как чужое, а принимается как «свое-другое» [20], как условие своего существования. Оправдание признается проявлением разнообразия в единстве жизни, побуждает сообщество к изменениям, к преодолению застоя и косности, к открытию новых граней своей традиции солидарности и коллективной морали.

В истории черты такого типа оправдания встречались в ранней античности и в обычном праве кочевых народов (в их состав входили и предки казахов), которые занимали обширные земли Центральной Азии, «Великой Степи». Обычное или «живое право» – совокупность норм, регламентирующих и регулирующих жизнь народов на ранних ступенях развития, оно основывалось на обычаях и традициях, на предании, на народных верованиях, стало основой юридических законов современных государств. Обычное право решало повседневные конфликты и споры, опираясь на общинные ценности, оно принималось сообществом как естественная норма жизни, где право и закон совпадали с моральной и религиозной (тенгрианство) верой, с наработанным опытом разрешения конфликтных ситуаций.

Особенность казахского кочевого права определили два фактора. Оно складывалось многие века в непрерывном контакте с культурой, нравами и обычаями многих народов, мигрирующих по обширным землям Великой Степи. Этот инокультурный опыт помогал казахскому народу избежать изоляционизма и nepoтизма, стать открытым новому опыту правовой и моральной жизни. Другим фактором, поддерживающим обычное право в условиях его непрерывной верификации, стал институт бийства [21].

«Бий» – это степной мудрец и неподкупный судья, народный защитник справедливости и порядка. Биев не назначали, их выбирал сам народ. Его авторитет был непререкаем, ставился выше авторитета правителя. Обладая природным умом, красноречием, владея приемами ораторского искусства, бий всегда находил справедливое решение судебного спора, мог выразить его в ярких и кратких образных выражениях, которые сохранялись в народной памяти, передавались в поколениях и служили моральным ориентиром в совместной жизни.

Обычное право уступает современному законодательству, оно выглядит архаичным, неразвитым, но именно поэтому в нем более явно вы-

ступает изначальное совпадение морали и права, социальности и нравственности в традиционных формах организации и регуляции коллективной жизни (обряды, ритуалы, обычаи), которые закрепляли и транслировали опыт социальной и моральной жизни и служили его оправданием. Оправдание еще не выражало суверенную и независимую позицию, а имело целью сохранение устоев совместной жизни, поколебленное преступным деянием. Индивидуализация и разрушение родового братства привели к разделению и обособлению сфер нравственности и морали, этики и социальности, к долгой истории их согласования в разуме, к поиску путей рационального ограничения негативной силы избыточности оправдания. Появление апологии стало неизбежным итогом процесса персонализации и рационализации этики оправдания, морали долга и ответственности.

Вопрос апологии – это вопрос этики оправдания, вопрос о моральных границах оправдания. Не все может быть оправданно, но всегда ли бывает справедливым общественное осуждение? Апология, выставляя оправдание как общественное зло и порочную наклонность, приводит к конфликтам и к социальной изоляции индивида. Но такой сценарий для оправдания не является неизбежным.

У кочевых народов оправдание не угрожало устоям общества, оно было встроено в традиционный уклад жизни, который считался естественно данным и не требовал своего обоснования и персонального признания. Оправдание было неотделимо от совместной жизни, заложено в нормах кочевого права казахов «Кешірімді болу» и «Сөзге тоқтау» – умение прощать без долгих слов оправдания [22]. Для прощения не требовалось искать доводы оправдания. Прощение и оправдание еще не противостояли друг другу, еще не стали обособленными целями религиозной веры и разума. Языческий синкретизм (тенгрианство) номадов еще не разделял жизнь и закон, мораль родовое право, социальность от нравственности.

Наказания в обычном праве казахов не отличались жестокостью, они не предусматривали смертной казни или лишения свободы [23]. Закон ограничивал произвол индивидов, но достигалось это не суровостью и неизбежностью наказания, отделяющих преступника от его общества, делающих его моральным и социальным изгоем, а нравственной оценкой его деяния в актах, не рефлексированной, не артикулированной в нормах этики оправдания.

Литература

- 1 «Черная и белая кость – навеки вместе», Esquire, апрель 2007.
- 2 Апология. Словарь иностранных слов. – М., 1949. – 60 с.
- 3 Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: «Фоли», 2003 – 512 с.
- 4 Лосев А.Ф. История античной философии. – М.: Академия, 2009. – 648 с.
- 5 Рассел Б. История западной философии. – М.: Академический проект, 2009.
- 6 Гильманов В.Г. Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение. – Калининград, 2003.
- 7 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / slovarozhegova.ru
- 8 Хайдеггер. М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. – М., 1989. – № 9. – С. 116-163.
- 9 Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х гг. – Киев: Next, 1994. – С. 9-69.
- 10 Грюнебаум Э.Г. История культурологических идей. – М.: Проспект, 2008.
- 11 Кожевников В.А. Философия чувства и веры в ее отношении к литературе и рационализму XVIII в. и критической философии. – М., 1897. – Ч.1.
- 12 О божестве Сократа / symposium. ru/ru/node/10275
- 13 Литягин Е.В. Идеология как необходимый фактор жизни современного общества / <http://www.dslib.net/soc-filosofia/ideologija-kak-neobhodimyj-faktor-zhizni-sovremennogo-obwestva.html>
- 14 http://economic-definition.com/Ideology/Ideologiya_Ideology__eto.html
- 15 Bauman Z. Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality. – London: Blackwell, 1995.
- 16 Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. – СПб.: Университетская книга, 2000.
- 17 Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
- 18 Еселев Е.А. Проблема Другого в философии различия // Философская мысль. – 2013. – № 1. – С. 175-194.
- 19 Керимов Т.Х. Неразрешимости. – М.: Академический проект, 2007. – 217 с.
- 20 Мендыбаев С.К., Мажиденова Р.М., Кунтугова И.М. Ты и Вы // Философский и общественно-гуманитарный журнал «Адам элемеі», № 3-4 (65-66). – 2015. – С. 19-29.
- 21 Алимбекова М.А. К вопросу о биях как хранителях правовой культуры казахского народа // Вестник КазНУ. – 2012.
- 22 Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования в 10-ти томах / под ред. акад. С. Зиманова. – Алматы, 2001. – Т. 1. – С. 26-39.
- 23 Ахметова Н.С. Обычное право как система кочевого права казахского общества // Вестник КарГУ, 2005.

References

- 1 «Chernaja i belaja kost' – naveki vmeste», Esquire, april' 2007.
- 2 Apologija. Slovar' inostrannyh slov. – M., 1949. – 60 s.
- 3 Hajdegger M. Bytie i vremja. – M.: «Foli», 2003 – 512 s.
- 4 Losev A.F. Istorija antichnoj filosofii. – M.: Akademija, 2009. – 648 s.
- 5 Rassel B. Istorija zapadnoj filosofii. – M.: Akademicheskij proekt, 2009.
- 6 Gil'manov V.G. Germenevtika «obraza» I. G. Gamana i Prosveshhenie. – Kaliningrad, 2003.
- 7 Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovij slovar' russkogo jazyka / slovarozhegova.ru
- 8 Hajdegger. M. Osnovnye ponjatija metafiziki // Voprosy filosofii. – M., 1989. – № 9. – S. 116-163.
- 9 Bahtin M.M. K filosofii postupka // Bahtin M.M. Raboty 20-h gg. – Kiev: Next, 1994. – S. 9-69.
- 10 Grjunebaum Je.G. Istorija kul'turologicheskikh idej. – M.: Prospekt, 2008.
- 11 Kozhevnikov V.A. Filosofija chuvstva i very v ee otnoshenii k literature i racionalizmu XVIII v. i kriticheskoy filosofii. – M., 1897. – Ch.1.
- 12 O bozhestve Sokrata / symposium. ru/ru/node/10275
- 13 Litjagin E.V. Ideologija kak neobhodimyj faktor zhizni sovremennogo obshhestva / <http://www.dslib.net/soc-filosofia/ideologija-kak-neobhodimyj-faktor-zhizni-sovremennogo-obwestva.html>
- 14 http://economic-definition.com/Ideology/Ideologiya_Ideology__eto.html
- 15 Bauman Z. Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality. – London: Blackwell, 1995.
- 16 Levinas Je. Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe. – SPb.: Universitetskaja kniga, 2000.
- 17 Levinas Je. Vremja i drugoj. Gumanizm drugogo cheloveka. – SPb.: Vysshaja religiozno-filosofskaja shkola, 1998.
- 18 Eselev E.A. Problema Drugogo v filosofii razlichija // Filosofskaja mysl'. – 2013. – № 1. – S. 175-194.
- 19 Kerimov T.H. Nerazreshimosti. – M.: Akademicheskij proekt, 2007. – 217 s.
- 20 Mendybaev S.K., Mazhidenova R.M., Kuntuova I.M. Ty i Vy // Filosofskij i obshhestvenno-gumanitarnyj zhurnal «Adam elemi», № 3-4 (65-66). – 2015. – S. 19-29.
- 21 Alimbekova M.A. K voprosu o bijah kak hraniteljah pravovoj kul'tury kazahskogo naroda // Vestnik KazNU. – 2012.
- 22 Drevnij mir prava kazahov: Materialy, dokumenty i issledovanija v 10-ti tomah / pod red. akad. S. Zimanova. – Almaty, 2001. – T. 1. – S. 26-39.
- 23 Ahmetova N.S. Obychnoe pravo kak sistema kochevogo prava kazahskogo obshhestva // Vestnik KarGU, 2005.